

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации

город Санкт-Петербург

19 января 2017 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием представителей Министерства юстиции Российской Федерации как стороны, обратившейся в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом, – Г.О.Матюшкина, П.Ю.Ултургашева и М.А.Мельниковой,

руководствуясь статьей 125 Конституции Российской Федерации, пунктом 3² части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, статьями 36, 74, 104¹–104⁴ Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России».

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Министерства юстиции Российской Федерации. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России».

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л.М.Жарковой, объяснения представителя Министерства юстиции Российской Федерации Г.О.Матюшкина, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.А.Клишаса, полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.Ю.Барщевского, полномочного представителя Генерального прокурора Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации Т.А.Васильевой, оглашенные в заседании письменные замечания приглашенного в заседание адвоката Дж.П.Гарднера (*J.P.Gardner*), представлявшего интересы ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» в Европейском Суде по правам человека, а также выступления представителей: от Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека – И.Г.Шаблинского, от автономной некоммерческой организации «Институт права и публичной политики», подготовившей заключение по делу, – Г.В.Вайпана, от Санкт-Петербургского государственного университета, подготовившего заключение по делу, – Н.А.Шевелевой, исследовав представленные документы и иные материалы, в том числе письменные замечания бывших акционеров ОАО «Нефтяная

компания «ЮКОС» – компаний «*Hulley Enterprises Limited*» и «*Yukos Universal Limited*», подписанные директором этих компаний Т.Осборном (*T. Osborne*), Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Европейский Суд по правам человека в постановлении от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» (жалоба № 14902/04) (вступило в силу 15 декабря 2014 года), вынесенном по вопросу о справедливой компенсации в дополнение к основному постановлению по данному делу от 20 сентября 2011 года (вступило в силу 8 марта 2012 года), обязал Россию, как признанную нарушившей статью 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, выплатить акционерам компании-заявительницы в возмещение материального ущерба, включая компенсацию понесенных ею инфляционных потерь, 1 866 104 634 (один миллиард восемьсот шестьдесят шесть миллионов сто четыре тысячи шестьсот тридцать четыре) евро, в том числе 1 299 324 198 (один миллиард двести девяносто девять миллионов триста двадцать четыре тысячи сто девяносто восемь) евро – за нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, выразившееся в ретроактивном применении судами в отношении компании-заявительницы статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации о трехлетнем сроке давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений, что повлекло взыскание с нее штрафов за 2000 и 2001 годы и сумм исполнительского сбора по этим штрафам, и 566 780 436 (пятьсот шестьдесят шесть миллионов семьсот восемьдесят тысяч четыреста тридцать шесть) евро – за нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, выразившееся во взыскании в ходе исполнительного производства, возбужденного в отношении компании-заявительницы, сумм исполнительского сбора, составившего семь процентов от общей суммы ее задолженности по уплате налогов, пеней и штрафов, что, с точки зрения Европейского Суда по правам

человека, несоизмерно объему расходов, необходимых для обеспечения исполнительного производства (пункты 20–26, 27–35 и 36).

По мнению Министерства юстиции Российской Федерации, постановление Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года в части, обязывающей Россию выплатить присужденную компенсацию материального ущерба, не может быть исполнено, поскольку содержащаяся в нем оценка обоснованности определения срока давности привлечения к налоговой ответственности и размера исполнительского сбора опирается на статью 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем – в том числе с учетом постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июля 2001 года № 13-П и от 14 июля 2005 года № 9-П – к ее расхождению со статьями 6 (часть 2), 19 (часть 1), 35 (части 1 и 3), 55 (части 2 и 3) и 57 Конституции Российской Федерации, а присуждение сумм компенсации неопределенному кругу лиц (акционерам компании-заявительницы) противоречит статьям 17 (часть 3), 19 (часть 1), 46 (часть 3) и 55 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку эти лица в постановлении Европейского Суда по правам человека не конкретизированы, стороной в деле «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» не являлись и жертвами конвенционных нарушений не признавались.

В ходе слушания представитель Министерства юстиции Российской Федерации также указывал на недопустимость выплаты компенсации судебных расходов и издержек, определенных в постановлении Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года, ссылаясь на то, что адвокат, защищавший интересы компании-заявительницы, не является надлежащим представителем в деле «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России». Однако приведенная им аргументация, по существу, не относится к вопросу о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации указанного постановления Европейского Суда по правам человека в этой части, а потому

Конституционный Суд Российской Федерации от рассмотрения данного вопроса воздерживается.

Таким образом, исходя из предписаний пункта 3² части первой статьи 3 и статей 104¹–104³ Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», регулирующих право на обращение с запросом о разрешении вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, определяющих критерии допустимости запроса и пределы проверки такой возможности, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является вопрос о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», вынесенного на основании статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее истолковании Европейским Судом по правам человека.

2. Конституционный Суд Российской Федерации уже обращался к вопросу о возможности исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека в рамках российской правовой системы. С учетом сформулированных им в постановлениях от 27 марта 2012 года № 8-П, от 14 июля 2015 года № 21-П и от 19 апреля 2016 года № 12-П правовых позиций Конституционный Суд Российской Федерации применительно к настоящему делу считает необходимым отметить следующее.

В силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации является составной частью ее правовой системы, что обязывает государство исполнять основанные на данной Конвенции постановления Европейского Суда по правам человека, вынесенные по жалобам против России, в отношении участвующих в деле лиц. Конституционный Суд Российской Федерации в своей практике придерживается подхода, направленного на неуклонное исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека, даже если они

основаны на применении методов «эволютивного толкования», «приоритета существа над формой» и др., которые могут повлечь за собой отступление от ранее выработанных им же позиций. О признании Конституционным Судом Российской Федерации того, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод является, по выражению Европейского Суда по правам человека, «живым инструментом», призванным учитывать объективные изменения в сфере защиты прав и свобод, свидетельствует поиск вариантов исполнения постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 года № 12-П), а также фактический пересмотр Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций о невозможности предоставления длительных свиданий лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы (Постановление от 15 ноября 2016 года № 24-П).

Вместе с тем взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами служит основой их надлежащего равновесия, и от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском конституционном правопорядке. Признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека, частью которой являются постановления Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, оставляя за собой определение степени своей готовности к нему, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации.

Как следует из статей 4 (части 1 и 2), 15 (части 1 и 4), 16 (часть 2) и 79 Конституции Российской Федерации, закрепляющих суверенитет России, верховенство и высшую юридическую силу Конституции Российской

Федерации, приоритет основ российского конституционного строя и устанавливающих запрет на передачу Россией в соответствии с международными договорами своих суверенных полномочий, если это влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и противоречит основам ее конституционного строя, постановления Европейского Суда по правам человека, основанные на интерпретации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации. В качестве международного договора Российской Федерации Конвенция о защите прав человека и основных свобод обладает в правоприменительном процессе большей юридической силой, чем федеральный закон, но не равной и не большей, чем юридическая сила Конституции Российской Федерации.

Разрешая вопрос о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека как межгосударственного субсидиарного органа по защите прав и свобод человека, Конституционный Суд Российской Федерации должен в соответствии с международными обязательствами России находить разумный баланс, с тем чтобы принятое им решение, с одной стороны, отвечало бы букве и духу постановления Европейского Суда по правам человека, а с другой – не вступало бы в противоречие с основами конституционного строя Российской Федерации и установленным Конституцией Российской Федерации правовым регулированием прав и свобод человека и гражданина.

При разрешении конституционно-правовых коллизий, которые могут возникнуть в связи с толкованием Конвенции о защите прав человека и основных свобод как международного договора Российской Федерации, необходимо учитывать Венскую конвенцию о праве международных договоров, участником которой является Россия и которая, также будучи составной частью ее правовой системы, обеспечивает пределы действия международных договоров России в контексте верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации.

Так, статьей 26 Венской конвенции о праве международных договоров закреплен фундаментальный принцип международного права *pacta sunt servanda* (каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться). Вместе с тем не исключается, что международный договор, который при присоединении к нему государства как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придаваемому ему в процессе применения межгосударственным органом, уполномоченным на это самим международным договором, соответствовал основному закону (конституции) данного государства, впоследствии посредством одного лишь толкования межгосударственным органом был содержательно конкретизирован, причем таким образом, что его положениям был придан смысл, расходящийся с общеобязательными нормами, относящимися к международному публичному порядку (*jus cogens*), в число которых, безусловно, входят принципы государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств.

С учетом пункта 1 статьи 31 и пункта 1 статьи 46 Венской конвенции о праве международных договоров это означает, что если Европейский Суд по правам человека, толкуя в процессе рассмотрения конкретного дела Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, нормам которой присуща высокая степень абстрактности, придал какому-либо используемому в ней понятию другое, нежели его обычное, значение либо осуществил толкование вопреки объекту и целям самой Конвенции о защите прав человека и основных свобод, несовместимое с национальным конституционным правопорядком, то государство, в отношении которого вынесено постановление по данному делу, вправе отказаться от его исполнения, как выходящего за пределы обязательств, добровольно принятых на себя этим государством при ратификации Конвенции.

Соответственно, постановление Европейского Суда по правам человека не может считаться обязательным для исполнения Российской Федерацией, если конкретное положение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на которое опирается это постановление, в результате толкования,

осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, по своему смыслу вступает в противоречие с имеющими свои основания в международном публичном порядке и формирующими национальный публичный порядок положениями Конституции Российской Федерации, прежде всего относящимися к правам и свободам человека и гражданина и к основам конституционного строя России.

Обязанностью органов государственной власти Российской Федерации при имплементации международных договоров, базирующейся на верховенстве ее Конституции и предполагающей соотнесение законодательства Российской Федерации с ее обязательствами по международным договорам, являются признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, как они определены Конституцией Российской Федерации, и недопущение нарушений основ конституционного строя. В контексте указанных положений Венской конвенции о праве международных договоров это означает, что в ситуации, когда самим содержанием решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, в том числе в части обращенных к России как государству-ответчику предписаний, основанных на положении соответствующего международного договора, интерпретированном в рамках конкретного дела, неправомерно – с конституционно-правовой точки зрения – затрагиваются основополагающие принципы и нормы Конституции Российской Федерации, Россия в порядке исключения вправе отступить от выполнения возлагаемых на нее этим решением обязанностей, если такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения Конституции Российской Федерации.

Исходя из приведенных правовых позиций Конституционный Суд Российской Федерации не может поддержать данное Европейским Судом по правам человека толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, если именно Конституция Российской Федерации (в том числе в ее истолковании Конституционным Судом Российской Федерации) как правовой акт, обладающий высшей юридической силой в правовой

системе России, более полно по сравнению с соответствующими положениями Конвенции в их понимании Европейским Судом по правам человека обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе в балансе с правами и свободами иных лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации). Подобное отступление может иметь место в исключительных случаях и при наличии достаточно веских причин, а именно при выявлении конвенционно-конституционных коллизий, которые, как правило, касаются не столько основного содержания (существа) тех или иных прав и свобод как таковых, сколько их конкретизации посредством толкования в постановлениях Европейского Суда по правам человека, в том числе если результатом такого толкования является не мотивированное буквальным содержанием Конвенции о защите прав человека и основных свобод отрицание правовых конструкций, сложившихся в российской правовой системе в результате осуществления федеральным законодателем своих прерогатив, правомерность реализации которых подтверждена актами конституционного правосудия.

Таким образом, в силу статей 4 (части 1 и 2), 15 (части 1 и 4), 16 и 79 Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации постановление Европейского Суда по правам человека не может быть исполнено Россией в части возлагаемых на нее мер индивидуального и общего характера и в части присужденной компенсации, если толкование Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на котором основано такое постановление, нарушает соответствующие положения Конституции Российской Федерации, относящиеся к правам и свободам человека и гражданина, а также к основам конституционного строя России.

3. Конституция Российской Федерации, закрепляя гарантии защиты права собственности и свободы предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статьи 8, 34 и 35), вместе с тем возлагает на каждого обязанность платить законно установленные налоги и сборы и не допускает придание обратной силы

законам, устанавливающим новые налоги или ухудшающим положение налогоплательщиков (статья 57).

Конкретизируя предписания статьи 57 Конституции Российской Федерации, федеральный законодатель на основании ее статей 71 (пункты «в», «ж», «з», «о»), 72 (пункты «б», «и» части 1), 75 (часть 3) и 76 (части 1 и 2) определяет общие принципы налогообложения и систему налогов, взимаемых в бюджет, а в целях обеспечения исполнения налогоплательщиками конституционной обязанности платить законно установленные налоги и сборы предусматривает также меры ответственности за совершение налоговых правонарушений, в том числе связанные с необходимостью возмещения ущерба, понесенного казной.

Приведенные положения Конституции Российской Федерации корреспондируют статье 1 «Защита собственности» Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности; никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права; предыдущие положения не умаляют право государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов либо других сборов или штрафов.

Как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в постановлениях от 17 декабря 1996 года № 20-П, от 23 декабря 1997 года № 21-П и от 16 июля 2004 года № 14-П, налоги, будучи необходимой экономической основой существования и деятельности Российской Федерации как правового, демократического и социального государства, условием реализации им соответствующих публичных функций, имеют, таким образом, публичное предназначение, а обязанность их уплаты распространяется на всех налогоплательщиков в качестве непосредственного требования Конституции Российской Федерации.

Федерации; за счет налогов, являющихся важнейшим источником доходов бюджета, обеспечивается осуществление социальной политики государства, которое обязано при регулировании налоговых отношений исходить из необходимости защиты прав и законных интересов всех членов общества на основе принципов справедливости, юридического равенства и равноправия.

Соответственно, по смыслу статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, меры ответственности за совершение налоговых правонарушений – как возможное ограничение того или иного права, вводимое федеральным законом в конституционно значимых целях, – должны отвечать указанным принципам, а также вытекающим из них критериям необходимости и соразмерности, не затрагивая само существо, основное содержание этого права.

4. Рассматривая дело «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что взыскание с компании-заявительницы штрафов за 2000 и 2001 годы и сумм исполнительского сбора по этим штрафам было незаконным и нарушающим статью 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку в отношении нее имело место ретроактивное применение статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в истолковании, данном в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года № 9-П (пункты 563–575 постановления от 20 сентября 2011 года, пункты 20–26 постановления от 31 июля 2014 года).

4.1. Постановлением от 14 июля 2005 года № 9-П, принятым в том числе в связи с запросом Федерального арбитражного суда Московского округа, в производстве которого находилось дело о взыскании с ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» штрафа за умышленную неуплату ряда налогов, Конституционный Суд Российской Федерации признал положения статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации о трехлетнем сроке давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения не противоречащими Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что эти положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не могут служить основанием для прерывания течения срока давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений и означают, что течение данного срока прекращается с момента оформления акта налоговой проверки, в котором указаны документально подтвержденные факты налоговых правонарушений, выявленные в ходе проверки, и содержатся ссылки на статьи Налогового кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за эти правонарушения, а в случае отсутствия необходимости в составлении такого акта – с момента вынесения соответствующего решения руководителя (заместителя руководителя) налогового органа о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности; в случае воспрепятствования налогоплательщиком осуществлению налогового контроля и проведению налоговой проверки суд вправе признать уважительными причины пропуска налоговым органом срока давности привлечения к налоговой ответственности и взыскать с налогоплательщика налоговые санкции за правонарушения, совершенные в период, на который распространялась налоговая проверка.

Принимая такое решение, Конституционный Суд Российской Федерации опирался на следующие правовые позиции:

выраженные в статьях 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципы юридического равенства и справедливости и вытекающий из них принцип соразмерности (пропорциональности, пропорционального равенства), обуславливая обеспечение одинакового объема юридических гарантий всем налогоплательщикам, применительно к действию нормы о сроках давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений по кругу лиц предполагают необходимость дифференцированного подхода к тем налогоплательщикам, которые, противодействуя налоговому контролю и налоговой проверке, использовали бы положение о сроках давности вопреки

его предназначению, в ущерб правам других налогоплательщиков и правомерным публичным интересам;

если в случае противодействия налогоплательщика осуществлению налогового контроля и проведению налоговой проверки налоговые санкции не могли бы быть наложены по одной лишь причине истечения трехлетнего срока давности, предусмотренного статьей 113 Налогового кодекса Российской Федерации, притом что не допускается его прерывание или приостановление, то возникала бы – вопреки предназначению этой нормы – возможность злоупотребления правом не быть привлеченным к налоговой ответственности за пределами этого срока;

налогоплательщик, который не представил необходимые документы своевременно и противодействовал проведению налоговой проверки и к которому при этом норма о сроке давности привлечения к налоговой ответственности была бы применена лишь по ее буквальному смыслу, получил бы неправомерное преимущество перед тем налогоплательщиком, который совершил такие же деяния, однако не препятствовал проведению налоговой проверки и был с соблюдением срока давности привлечен к налоговой ответственности; в результате при привлечении к юридической ответственности были бы – в противоречии со статьей 57 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 6 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) – нарушены принципы равенства и справедливости, соразмерности и неотвратимости ответственности и в конечном счете относящиеся к основам конституционного строя России верховенство и высшая юридическая сила Конституции Российской Федерации.

Признав статью 113 Налогового кодекса Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации в данном им толковании и сохранив ее, таким образом, в действующем правовом регулировании, Конституционный Суд Российской Федерации фактически внес основанную непосредственно на положениях Конституции Российской Федерации ясность относительно определения момента окончания срока

давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений. Тем самым Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил необходимость только такого применения данной статьи, которое, как адекватное существу налогового правонарушения, отвечает требованиям Конституции Российской Федерации и исключает возможность любой иной, неконституционной, интерпретации ее положений, влекущей нарушение баланса публичных и частных интересов и, соответственно, принципов равенства и справедливости при назначении мер юридической ответственности за налоговые правонарушения.

4.2. Выявляя конституционно-правовой смысл статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, как следует из правовых позиций, сформулированных им в Постановлении от 14 июля 2005 года № 9-П, конкретизировал предписания статьи 57 Конституции Российской Федерации по их смыслу в системной связи с другими базовыми конституционными нормами о правах и свободах, имеющими прямое действие. Исходя из этого ссылки налогоплательщиков на то, что они не могли предвидеть, какое именно истолкование данной статьи предпримет Конституционный Суд Российской Федерации, по существу, означали бы отстаивание неконституционной трактовки ее положений, основанной на сугубо формальном понимании нормы о сроке давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений, вопреки ее действительному конституционно-правовому смыслу.

Подобного рода ссылки фактически используются для обоснования допустимости недобросовестного поведения налогоплательщика, имевшего целью сокрытие недоимки как в ходе проведения мероприятий налогового контроля, так и в проверяемый период налогообложения в целом. Между тем данное Конституционным Судом Российской Федерации истолкование статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации не могло привести (что признается и самим Европейским Судом по правам человека в постановлении от 20 сентября 2011 года) к непредсказуемости толкования материально-правовых условий налогообложения применительно к

прошедшему времени (например, не расширился перечень операций, подлежащих налогообложению), оно не изменило суть налогового правонарушения и не расширило круг деяний, которые могли повлечь преследование за уклонение от уплаты налогов и применение штрафов.

По существу, не отменяя правила о сроках применения санкций в связи с уклонением от уплаты налогов, Конституционный Суд Российской Федерации только выявил единственно возможный с точки зрения Конституции Российской Федерации смысл этих правил с целью обеспечения их разумного и справедливого применения к налогоплательщикам, которые действовали ненадлежащим образом. Соответственно, нет оснований для утверждения о наличии коллизии с конституционным запретом на действие с обратной силой закона, устанавливающего новые налоги или ухудшающего положение налогоплательщиков. По смыслу статьи 57 Конституции Российской Федерации, этот запрет распространяется на законы, которые изменяют имущественное положение налогоплательщика и непосредственно влияют на порядок исполнения им налоговой обязанности. Порядок же действия во времени законов, устанавливающих ответственность за налоговые правонарушения и регламентирующих производство по делам о таких нарушениях, данной конституционной нормой не охватывается – они подчиняются универсальным для публичной юридической ответственности предписаниям статьи 54 Конституции Российской Федерации, согласно которой закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет (часть 1); никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением; если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон (часть 2). Эти предписания также имеют ограниченное предметное действие.

Само же по себе уточнение (посредством толкования в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года № 9-П) смысла статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации –

применительно к конкретным делам недобросовестных налогоплательщиков – не может рассматриваться и как новая норма, вводящая санкцию за воспрепятствование проведению налоговой проверки. Так, в случае составления в пределах срока давности привлечения к налоговой ответственности акта проверки, которым установлен факт нарушения налогового законодательства и сформирована воля государства на дальнейшее взыскание налоговых санкций, налогоплательщик может предвидеть, что государство примет меры по взысканию с него налоговых санкций, поскольку наличие предпосылок для этого было определено и зафиксировано явным образом и в срок, в течение которого налогоплательщик объективно мог ожидать применения к нему государственного принуждения в связи с неисполнением налоговой обязанности.

Что касается ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС», то выявление Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правового смысла статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации не повлекло пересмотра вынесенных в отношении компании окончательных вступивших в законную силу судебных актов и, соответственно, не затронуло данный аспект гарантий правовой определенности.

4.3. При рассмотрении вопроса о применении судами в деле ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации, следует учитывать и конкретно-исторический контекст развития регулирования налоговых отношений.

В условиях политической и экономической нестабильности 90-х годов прошедшего века нестабильными были и налоговое законодательство и правоприменительная практика. Государство вынуждено было многократно повышать меры ответственности за совершение налоговых правонарушений и усиливать контроль за налогоплательщиками с помощью новой специальной силовой структуры – налоговой полиции и в то же время изыскивать способы, стимулирующие налогоплательщиков к исполнению

обязанности по уплате налогов в рамках налоговой амнистии и легализации своего имущества и доходов (Указ Президента Российской Федерации от 27 октября 1993 года № 1773 «О проведении налоговой амнистии в 1993 году»).

Только в начале 2000-х годов Россия смогла приступить к полномасштабной налоговой реформе, которая ознаменовалась принятием Налогового кодекса Российской Федерации и задачами которой стали, с одной стороны, уменьшение налоговой нагрузки на добросовестных налогоплательщиков и снижение издержек, связанных с исполнением налогового законодательства, а с другой – обеспечение более высокого уровня прозрачности налоговых операций для государства, повышение эффективности налогового администрирования и сужение возможностей для уклонения от налогообложения. В конечном итоге речь шла о приближении российской налоговой системы к лучшим международным образцам. Поэтому особо важным в этот период было создание правовых механизмов взимания налогов и контроля за их уплатой, которые позволили бы добиться исполнения налоговой обязанности равным образом всеми категориями налогоплательщиков, включая крупнейших налогоплательщиков, играющих системообразующую роль в наполнении бюджетов.

Специфика налогового регулирования, многообразие способов ведения предпринимательской деятельности, постоянное появление новых вариантов уклонения от уплаты налогов серьезно затрудняют создание законодательных правил, способных эффективно противостоять всем возможным случаям их нарушения. Как показывает опыт государств, имеющих многолетнюю практику противодействия уклонению от уплаты налогов, одними только законодательными средствами решить данную проблему не всегда возможно, что обуславливает особую роль судебных доктрин. В российской судебной системе толкование закона высшими судебными органами также призвано оказывать существенное воздействие на формирование судебной практики, в том числе по налоговым спорам.

4.4. Выявленный Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2005 года № 9-П конституционно-правовой смысл

статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации, предполагающий в случае пропуска срока давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений необходимость учета судом последствий неправомерных действий налогоплательщика при проведении мероприятий налогового контроля, основывается на ранее неоднократно подтвержденном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании статьи 57 Конституции Российской Федерации, как предполагающей такую необходимость.

В Постановлении от 12 октября 1998 года № 24-П и Определении от 25 июля 2001 года № 138-О, принятом по ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении данного Постановления, Конституционный Суд Российской Федерации опирался на принцип добросовестности налогоплательщиков как один из важнейших элементов конституционно-правового режима регулирования налоговых отношений и публичного правопорядка в целом. Применительно к вопросу о том, может ли считаться уплаченным списанный банком налог, реально не перечисленный в бюджет, – при отсутствии соответствующих денежных средств на корреспондентском счете банка, если они были формально зачислены банком на счета налогоплательщика, а также при отсутствии денежных средств на расчетном счете налогоплательщика, – Конституционный Суд Российской Федерации пояснил, что в таком случае налоговые органы обязаны доказывать обнаруживающуюся недобросовестность налогоплательщиков и банков в порядке, установленном Налоговым кодексом Российской Федерации; из признания банков и налогоплательщиков недобросовестными вытекает, что на них не распространяется правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, в соответствии с которой конституционная обязанность каждого налогоплательщика считается исполненной в момент списания банком с расчетного счета налогоплательщика средств в уплату налога, поскольку, по существу, они от исполнения данной обязанности уклонились; государство в лице своих налоговых и других органов должно осуществлять контроль за

порядком исполнения банками публично-правовой функции по перечислению налоговых платежей в бюджет; в связи с этим в случае непоступления в бюджет соответствующих денежных средств для установления недобросовестности налогоплательщиков налоговые органы вправе – в целях обеспечения баланса государственных и частных интересов – осуществлять необходимую проверку и предъявлять в арбитражных судах требования, обеспечивающие поступление налогов в бюджет, включая иски о признании сделок недействительными и о взыскании в доход государства всего полученного по таким сделкам.

Приведенная правовая позиция, как отмечено в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 января 2002 года № 4-О, носит общий характер и касается всех норм, определяющих момент исполнения юридическим лицом налогового обязательства. С учетом этого вывода Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 8 апреля 2004 года № 168-О указал, что введение такого условия принятия налогоплательщиком к вычету сумм налога на добавленную стоимость при расчете подлежащей уплате в бюджет итоговой суммы налога, как обязательность оплаты использованных им в расчетах с поставщиками векселей денежными средствами, направлено на создание прямой зависимости реализации налогоплательщиком права на вычет сумм налога на добавленную стоимость от выполнения им обязанности произвести фактические, имеющие реальный характер затраты на оплату вычитаемых сумм налога; отсутствие у налогоплательщика обязанности обеспечить – в целях принятия к вычету начисленных сумм налога – реальными встречными платежами векселя, которые передаются в счет оплаты приобретенных у поставщиков товаров (работ, услуг), означало бы отсутствие оснований для самого вычета начисленных сумм налога и, кроме того, позволяло бы недобросовестным налогоплательщикам с помощью инструментов, используемых в гражданско-правовых отношениях, создавать схемы незаконного обогащения за счет бюджетных средств, что приводило бы к

нарушению публичных интересов в сфере налогообложения и к нарушению конституционных прав и свобод других налогоплательщиков.

Таким образом, уже с начала 2000-х годов налогоплательщики – профессиональные участники предпринимательской деятельности могли и должны были осознавать возможность такого подхода к пониманию статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации, который нашел отражение в ее конституционно-правовом истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2005 года № 9-П и предполагающем учет судом неправомерного поведения налогоплательщика при определении последствий пропуска налоговым органом срока давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения.

4.5. Европейский Суд по правам человека постановлением от 31 июля 2014 года признал нарушение Россией имущественных прав ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС», выразившееся в причинении компании-заявительнице материального ущерба. Между тем принципиальное значение имеет то обстоятельство, что материальные потери явились следствием незаконных действий самой компании, государство же было вынуждено применять меры ответственности, в том числе административной, с тем чтобы компенсировать причиненный ему имущественный вред.

ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС», как следует из вынесенных в отношении него судебных актов, используя изощренные незаконные схемы, проявило себя в качестве злостного неплательщика налогов и прекратило свое существование, оставив серьезную непогашенную задолженность. Деятельность компании, с учетом занимаемого ею места в экономике страны – даже если оставить вне правового анализа вопрос о справедливости способов формирования активов компании в стратегически важной и одной из наиболее доходных отраслей российской экономики, благодаря которым она вошла в число крупнейших хозяйствующих субъектов (и, соответственно, крупнейших потенциальных налогоплательщиков) в России, – имела праворазрушающий эффект, препятствуя стабилизации

конституционно-правового режима и публичного правопорядка. Не отрицал наличия в деятельности компании масштабных схем уклонения от уплаты налогов и Европейский Суд по правам человека, принимая постановление от 20 сентября 2011 года.

В этом контексте сама по себе выплата присужденной Европейским Судом по правам человека бывшим акционерам компании, выстроившей незаконные схемы уклонения от налогообложения, их наследникам и правопреемникам столь значительной денежной компенсации из той бюджетной системы, которая регулярно не получала от нее в должном объеме огромные суммы налоговых платежей, необходимые в том числе для выполнения публичных обязательств перед всеми гражданами, преодоления финансового и экономического кризиса, противоречит конституционным принципам равенства и справедливости в налоговых правоотношениях (статья 17, часть 3; статья 19, части 1 и 2; статья 55, части 2 и 3; статья 57 Конституции Российской Федерации).

Именно существо деятельности ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» как юридического лица (а не только установленные в порядке уголовного преследования факты мошеннического поведения членов руководящих органов компании и некоторых ее акционеров и наличие на момент ликвидации неисполненных обязательств, в том числе перед бюджетом, на сумму, значительно превышающую размер присужденной компенсации, которые также приносят кумулятивный эффект в оценку возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года) обуславливает несоответствие присуждения компенсации конституционным принципам равенства и справедливости и, следовательно, невозможность ее выплаты с точки зрения Конституции Российской Федерации.

Нарушение этих принципов очевидным образом выражается и в том, что Европейский Суд по правам человека постановил выплатить компенсацию бывшим акционерам ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС», их правопреемникам и наследникам. Между тем мажоритарные акционеры,

которые, если следовать логике Европейского Суда по правам человека, имеют право на большую часть присужденной компенсации, являются именно теми лицами, которые участвовали в незаконной деятельности компании. Но даже если акционеры и не принимали непосредственного участия в выстраивании незаконных схем, приведших к негативным для компании последствиям и в итоге к прекращению ее деятельности, они получали дивиденды, сформированные в том числе за счет средств, подлежащих, при честной уплате налогов, перечислению в бюджет. Понесенные акционерами потери (если признавать таковые с точки зрения общих результатов деятельности компании, игнорируя при этом факт долга перед публичными и частными кредиторами на момент ее ликвидации) являются, таким образом, следствием неосуществления ими корпоративных прав разумно и добросовестно, в собственных интересах и интересах юридического лица, притом что применительно к участию в акционерном капитале – исходя из правовой природы такого рода хозяйственных обществ как элемента публичного правопорядка, имеющего конституционную основу в принципах неприкосновенности собственности и свободы договора (статьи 8, 34 и 35 Конституции Российской Федерации), – к обычному деловому (предпринимательскому) риску присоединяются также риски неразумного и недобросовестного поведения лиц, осуществляющих функции органов управления юридического лица, действующих от его имени и формирующих его волю.

Неприменение же статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в ее конституционно-правовом смысле, выявленном Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2005 года № 9-П, в деле ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» на этапе ее привлечения к ответственности за налоговые правонарушения – особенно в конкретной ситуации беспрецедентного по своим масштабам уклонения от налогообложения в условиях острой потребности государства в бюджетных средствах для выхода из экономического кризиса и осуществления крайне необходимых мер социальной защиты и поддержки значительной части

граждан – означало бы, по сути, не только приостановление действия статьи 57 Конституции Российской Федерации, но и нарушение принципов равенства и справедливости, вытекающих из ее статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3).

В конкретно-исторических условиях, требовавших от государства оптимизации налогового законодательства и правоприменительной практики в целях сужения возможностей для уклонения от налогообложения, ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» (имевшее в своем распоряжении высокопрофессиональных юристов) не могло рассчитывать на применение отраслевой нормы о сроке давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений в понимании, удобном для реализации противоправных целей, но расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом. Тем более что данное Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правовое истолкование этой нормы (предполагающее прекращение течения трехлетнего срока давности с момента оформления акта налоговой проверки и возможность признания судом уважительными причин пропуска налоговыми органами срока давности в случае воспрепятствования налогоплательщиком осуществлению налогового контроля) корреспондировало аутентичной воле федерального законодателя обеспечить неукоснительное исполнение налоговой обязанности в контексте оформившегося конституционно-правового режима налогообложения. Конституционно-правовой смысл статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации – в части, предопределяющей в соответствующих случаях необходимость ретроактивного применения штрафов и уплаты исполнительского сбора по этим штрафам (в деле ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» – за 2000 и 2001 годы), – как основанный непосредственно на положениях Конституции Российской Федерации, не допускает для правоприменителей, в том числе судов, иного подхода.

Следовательно, наступление для ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» неблагоприятных последствий конституционно-правового истолкования статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации – с учетом принципа

добросовестности налогоплательщика – не может рассматриваться как непрогнозируемое и произвольное. Соответственно, отказ России от взыскания с компании налоговых санкций за налоговые правонарушения, совершенные до вступления в силу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года № 9-П, на чем настаивает Европейский Суд по правам человека в постановлении от 20 сентября 2011 года, противоречил бы Конституции Российской Федерации, статья 57 которой во взаимосвязи с ее статьями 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3) возлагает на государство обязанность обеспечить уплату налогов каждым налогоплательщиком на основе принципов равенства и справедливости.

Таким образом, исполнение в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», принятого на основании статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее истолковании Европейским Судом по правам человека, – в части, обязывающей Россию выплатить бывшим акционерам компании-заявительницы в качестве компенсации за взыскание с нее штрафов за 2000 и 2001 годы и уплату сумм исполнительского сбора по этим штрафам 1 299 324 198 (один миллиард двести девяносто девять миллионов триста двадцать четыре тысячи сто девяносто восемь) евро, – невозможно.

5. В постановлении от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» Европейский Суд по правам человека констатировал также нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в части исполнительного производства, осуществлявшегося в отношении компании-заявительницы. Ссылаясь на свои выводы, содержащиеся в основном постановлении по данному делу от 20 сентября 2011 года, Европейский Суд по правам человека отметил: национальные власти не достигли справедливого равновесия между законной целью исполнительного производства и примененными средствами,

не проявив гибкость относительно его сроков, обязав компанию-заявительницу уплачивать чрезмерные сборы и не учтя надлежащим образом все необходимые факторы (пункт 27); даже если нельзя утверждать, что сами по себе указанные недостатки повлекли ликвидацию компании-заявительницы, они тем не менее серьезно этому способствовали, прямо обусловив причинение материального ущерба, удовлетворяющего критерию причинной связи для целей справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 29); исполнительский сбор в размере семи процентов от общей суммы налоговых обязательств компании-заявительницы по своей природе не был связан с фактическими расходами на исполнение, понесенными судебными приставами-исполнителями, а потому полученная сумма была совершенно непропорциональной сумме расходов на исполнение, несения которых можно было ожидать или которые были действительно понесены судебными приставами-исполнителями; из-за негибкого применения данный сбор вместо того, чтобы стимулировать к добровольному исполнению, оказал весьма серьезное влияние на ликвидацию компании-заявительницы (пункты 30 и 31).

Полагая, что приемлемым был бы исполнительский сбор в размере четырех процентов от общей суммы налоговых обязательств, Европейский Суд по правам человека оценил материальный ущерб, вызванный нарушением в отношении компании-заявительницы статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в 566 780 436 (пятьсот шестьдесят шесть миллионов семьсот восемьдесят тысяч четыреста тридцать шесть) евро (с учетом уровня инфляции).

5.1. Разрешая в Постановлении от 30 июля 2001 года № 13-П вопрос о конституционности установленного пунктом 1 статьи 81 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» и примененного в деле ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» предписания об исполнительском сборе в размере семи процентов от взыскиваемой суммы или стоимости имущества должника, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал следующие правовые позиции:

по буквальному смыслу данной нормы, названная денежная сумма определяется именно как исполнительский сбор. Между тем в перечне налогов и сборов, которые устанавливаются, изменяются или отменяются Налоговым кодексом Российской Федерации или в соответствии с ним, такой сбор не указан, а потому не относится к налогам и сборам в смысле статьи 57 Конституции Российской Федерации, не является он также государственной пошлиной. Вместе с тем исполнительский сбор отнесен к административным платежам и сборам;

по смыслу статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в системной связи с другими его статьями, предусмотренная в данной норме сумма сбора, исчисляемая в размере семи процентов от взыскиваемых по исполнительному документу денежных средств, относится, по сути, к мерам административного принуждения в связи с несоблюдением законных требований государства. Причем указанная мера является не правосстановительной санкцией, которая обеспечивает исполнение должником его обязанности возместить расходы по совершению исполнительных действий в порядке принудительного исполнения судебных и иных актов (как это имеет место при взыскании с должника расходов по совершению именно исполнительных действий), а представляет собой санкцию штрафного характера, т.е. возложение на должника обязанности произвести определенную дополнительную выплату в качестве меры его публично-правовой ответственности, возникающей в связи с совершенным им в процессе исполнительного производства правонарушением;

исполнительскому сбору как штрафной санкции присущи признаки административной штрафной санкции: он имеет фиксированное, установленное законом денежное выражение, взыскивается принудительно, оформляется постановлением уполномоченного должностного лица, взимается в случае совершения правонарушения, а также зачисляется в бюджет и во внебюджетный фонд, средства которых находятся в государственной собственности.

Конституционный Суд Российской Федерации также отметил, что к моменту принятия Федерального закона «Об исполнительном производстве» эффективность исполнительного производства в Российской Федерации снизилась; неисполнение и несвоевременное исполнение решений судов и иных уполномоченных органов создавало угрозу гарантиям государственной защиты конституционных прав и свобод, законности и правопорядка в целом; при таких обстоятельствах федеральный законодатель – по смыслу статей 55 (часть 3) и 57 Конституции Российской Федерации – был правомочен установить специальную норму, на основании которой на должника в случае виновного неисполнения им исполнительного документа имущественного характера в срок, предусмотренный для его добровольного исполнения, налагается взыскание в виде штрафных санкций; определение конкретных размеров штрафных санкций за нарушение правил принудительного исполнения судебных и иных актов является прерогативой федерального законодателя, однако они – поскольку штрафное взыскание связано с ограничением конституционного права собственности – во всяком случае должны отвечать критерию соразмерности (пропорциональности), вытекающему из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Исходя из этого Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что пункт 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» содержит, по сути, специальную норму об административной ответственности за нарушение законодательства об исполнительном производстве; данная статья – по ее смыслу во взаимосвязи со статьями 85 и 87 названного Федерального закона – должна применяться с соблюдением вытекающих из Конституции Российской Федерации принципов справедливости наказания, его индивидуализации и дифференцированности; следовательно, установленный в данной статье размер санкции (семь процентов от взыскиваемой суммы) представляет собой лишь допустимый ее максимум, верхнюю границу, и с учетом характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных существенных

обстоятельств может быть снижен правоприменителем; в противном случае несоизмеримо большой штраф может превратиться из меры воздействия в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и права собственности, что в силу статей 34 (часть 1), 35 (части 1–3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации недопустимо.

Таким образом, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 30 июля 2001 года № 13-П, исполнительский сбор является административной санкцией, к которой в полной мере применимы требования соразмерности (пропорциональности) и справедливости. При этом данная санкция, как основанная на статье 57 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3), по ее смыслу в российской правовой системе преследует штрафные цели, и, соответственно, ее размер, не увязываясь с расходами на принудительное исполнение, должен определяться исходя из обстоятельств конкретного дела, степени вины должника и иных имеющих значение для привлечения к налоговой ответственности обстоятельств.

В связи с принятием Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» законоположения, бывшие предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации в Постановлении от 30 июля 2001 года № 13-П, утратили силу, однако с содержащимися в нем выводами, как отмечается в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2015 года № 654-О, согласуются и ныне действующие положения статьи 112 названного Федерального закона, предусматривающие, в частности, что должник вправе в установленном порядке обратиться в суд с заявлением об оспаривании постановления судебного пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора, с иском об отсрочке или о рассрочке его взыскания, об уменьшении его размера или освобождении от взыскания исполнительского сбора (часть 6), а суд вправе с учетом степени вины

должника в неисполнении в срок исполнительного документа, имущественного положения должника, иных существенных обстоятельств отсрочить или рассрочить взыскание исполнительского сбора, а также уменьшить его размер, но не более чем на одну четверть от размера, установленного в соответствии с частью 3 данной статьи; при отсутствии установленных Гражданским кодексом Российской Федерации оснований ответственности за нарушение обязательства суд вправе освободить должника от взыскания исполнительского сбора (часть 7).

5.2. Пункт 1 статьи 81 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» был применен в деле ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» в истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 30 июля 2001 года № 13-П. Следовательно, суды, если бы усмотрели для этого основания с учетом обстоятельств дела, могли определить сумму исполнительского сбора в размере менее семи процентов от общей суммы налоговых обязательств (притом что в отличие от ныне действующего регулирования предел снижения размера исполнительского сбора прежде не был обозначен), поскольку имели для этого надлежащую нормативную основу, позволявшую исходя из установленных фактических обстоятельств и оценки представленных им доказательств принять решение, отвечающее конституционным критериям справедливости и соразмерности.

Назначение суммы исполнительского сбора в максимально допустимом размере, равно как и ход исполнительного производства по делу о взимании с ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» неуплаченных налогов, пеней и штрафов в целом могли быть обусловлены в том числе выявленными системными, масштабными и длительными правонарушениями со стороны компании, сопряженными с регулярным использованием схем, которые позволяли ей соответствующим образом перераспределять денежные средства и имущество, и с активным воспрепятствованием налоговым проверкам, что порождало риск утраты имущественной базы исполнения судебных актов. Уклонение ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» от уплаты

налогов в таком беспрецедентном масштабе непосредственно угрожало принципам правового, демократического и социального государства, что обязывало правоприменителя принимать в рамках исполнительного производства как можно более эффективные меры, с тем чтобы противодействовать недобросовестному поведению налогоплательщиков.

Соответственно, вывод о невозможности – в силу конституционных принципов равенства и справедливости – исполнения постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в части выплаты компании-заявительнице компенсации за взыскание с нее штрафов за 2000 и 2001 годы и уплату сумм исполнительского сбора по этим штрафам распространяется и на выплату компенсации за взыскание с компании-заявительницы несоразмерной (непропорциональной), как посчитал Европейский Суд по правам человека, суммы исполнительского сбора.

6. Гарантируя государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина, Конституция Российской Федерации одновременно закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статьи 45 и 46). Реализуя право на судебную защиту в налоговых спорах, заинтересованное лицо самостоятельно выражает свою волю на возбуждение судебного рассмотрения дела путем обращения с соответствующим заявлением либо на отказ от такого рассмотрения.

Согласно статье 46 (часть 3) Конституции Российской Федерации каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Данная конституционная норма корреспондирует статье 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой Европейский Суд по правам человека может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты.

Поскольку ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» отказалось от требований по снижению суммы исполнительского сбора (определение Арбитражного суда города Москвы от 3 февраля 2005 года), Министерство юстиции Российской Федерации полагает, что условие, дающее право на обращение в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод в Европейский Суд по правам человека, компанией соблюдено не было, а значит, Европейский Суд по правам человека не должен был рассматривать вопрос о соразмерности примененного в отношении нее исполнительского сбора. Кроме того, по мнению Министерства юстиции Российской Федерации, поскольку акционеры компании-заявительницы как получатели присужденной компенсации в постановлении Европейского Суда по правам человека не конкретизированы, не являлись стороной в деле «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» и не признавались жертвами конвенционных нарушений, а лицо, представлявшее компанию-заявительницу в Европейском Суде по правам человека, не обладало надлежащими правомочиями, выплата сумм компенсации материального ущерба неопределенному кругу лиц (бывшим акционерам компании-заявительницы) привела бы к прямому нарушению конституционных принципов равенства и справедливости, а также права на обращение в межгосударственный орган по защите прав и свобод человека, как оно определено в Конституции Российской Федерации (статья 46, часть 3) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статьи 34 и 35).

Однако Конституционный Суд Российской Федерации полагает возможным воздержаться от рассмотрения этих и других процессуальных аспектов дела «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», на которые обращало внимание Министерство юстиции Российской Федерации, – иное означало бы оценку постановления Европейского Суда по правам человека с точки зрения обоснованности примененных при его принятии процедурных правил и вынесенных на их основе процессуальных решений.

Что касается имеющейся, по мнению Министерства юстиции Российской Федерации, неопределенности относительно порядка и пропорций выплаты, круга получателей присужденной постановлением Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года компенсации, равно как и ее юридической природы, то – поскольку данная выплата в соответствии с Конституцией Российской Федерации невозможна в принципе – разрешения этих вопросов Конституционным Судом Российской Федерации в производстве по настоящему делу не требуется.

7. Конституционный Суд Российской Федерации – исходя из фундаментального значения европейской системы защиты прав и свобод человека, частью которой являются постановления Европейского Суда по правам человека, – считает необходимым поиск правомерного компромисса ради поддержания этой системы (Постановление от 14 июля 2015 года № 21-П).

Не признавая соответствующей Конституции Российской Федерации императивную обязанность исполнения постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года, Конституционный Суд Российской Федерации тем не менее не исключает возможности проявления Россией доброй воли в определении пределов такого компромисса и механизмов его достижения в отношении акционеров ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС», пострадавших от неправомερных действий компании и ее менеджмента.

В связи с этим Правительство Российской Федерации правомочно инициировать рассмотрение вопроса о выплате соответствующих сумм в предусмотренной российским и зарубежным законодательством процедуре распределения вновь выявленного имущества ликвидированного юридического лица, что может быть осуществлено только после расчетов с кредиторами и принятия мер по выявлению иного имущества (например, сокрытого на зарубежных счетах). Однако такая выплата – исходя из выраженных в настоящем Постановлении правовых позиций – в любом случае не должна затрагивать доходы и расходы бюджета, а также имущество Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 104⁴ Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать невозможным исполнение в соответствии с Конституцией Российской Федерации, ее статьей 57 во взаимосвязи со статьями 15 (части 1, 2 и 4), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 55 (части 2 и 3) и 79, постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», вынесенного на основании статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее истолковании Европейским Судом по правам человека, согласно которому вследствие нарушения Россией статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции – в части ретроактивного применения в отношении компании-заявительницы штрафных санкций за 2000 и 2001 годы и исполнительского сбора по этим санкциям, а также в части исполнительного производства, в ходе которого с компании-заявительницы был взыскан непропорциональный по своему характеру исполнительский сбор в размере семи процентов от общей суммы ее задолженности по уплате налогов, пеней и штрафов, – компании-заявительнице был причинен материальный ущерб на общую сумму, включая компенсацию инфляционных потерь, в 1 866 104 634 (один миллиард восемьсот шестьдесят шесть миллионов сто четыре тысячи шестьсот тридцать четыре) евро, которую Россия должна выплатить акционерам данной компании, их правопреемникам и наследникам.

2. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

3. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой

информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 1-П